

А. В. Белова
Московский государственный лингвистический университет
(Россия, Москва)
avbelova@inbox.ru

КАТЕГОРИЯ ЛИЦА В ПОЭТИКЕ Н. С. ГУМИЛЕВА

Грамматический аспект идиостиля Н. Гумилева на общем фоне интереса со стороны филологической науки к грамматике поэтической речи представляет собой малоизученную область. Именно грамматика поэзии привлекает внимание больших ученых в течение последней четверти века XX в. и начала XXI в., ее проблемы разрабатываются как в монографиях (см. [Григорьев 1983; Ковтунова 1986; Гин 1992; 1996, Поэтическая грамматика 2005; 2013]), так и в отдельных диссертационных исследованиях.

Среди грамматических категорий, наиболее ярко проявляющих себя в лирической поэзии, выделяется категория лица местоимений и глаголов. Рассмотрим роль категории лица в поэтическом языке Н. Гумилева на примерах использования в его идиостиле форм личного местоимения первого лица, его модификаций, изменений во времени, а также случаи перехода от одного лица к другому в рамках стихотворного текста. Предметом нашего рассмотрения станут личные местоимения и глаголы повелительного наклонения в разных прижизненных сборниках Н. Гумилева.

Категория лица имеет комплексную семантику, включающую не только пространственно-временные отношения, непосредственно связанные с выражением хронотопа, но и глубинные отношения поэта с миром. Понятие лирической коммуникации намного шире понятия коммуникации как одной из базовых языковых функций. Первое лицо – **я, мой, мы, наш** и перволичные формы глагола – в поэтической речи приобретает разнообразные, порой неожиданные идентификации, так как поэтическое Я шире обычного эмпирического Я: *И я раскинулся цветами, Прозрачным блеском звонких струй, Чтоб ароматными устами Земным вернуть их поцелуй; Да, только десять лет, но, хмурый странник, Я снова должен ехать, должен видеть Моря, и тучи, и чужие лица («Эзбеки»).*

Ипостаси лирического Я в идиостиле Н. Гумилева отражают его поэтический мир, который составляют образы не только реальной, земной жизни, но и, по слову поэта, «внемировой природы»: *Мне все открыто в этом мире – И ночи тень, и солнца свет, И в торжествующем эфире Мерцанье ласковых планет.*

Перволичное Я у Гумилева широко и многогранно, оно воплощает и конкретного человека, формирует образ поэта, через первое лицо дается отношение к слову и творчеству в целом, отношение к миру: *Я как мальчик, схваченный любовью К девушке, окутанной шелками; Я тот, кто спит, но кроет глубина Его невыразимое прозвание; Но нет, я не герой трагический, Я ироничнее и суше, Я злюсь, как идол металлический Среди фарфоровых игрушек; Да! Это только чары, что судьбою Я побежден, Что ночью звездной*

дождь над головою, И звон, и стон; **Я вольный**, снова верящий удачам, **Весь мир мне дом**, Целую девушку с лицом горячим И с жадным ртом; Иногда я бываю печален, **Я, забытый, покинутый бог**, Созидающий в груди развалин Старых храмов – грядущий чертог; **Я угрюмый и упрямый зодчий Храма**, восстающего во мгле.

Лирическое Я в этом идиостиле подвергается изменению во времени: **Я ж – прошлого** увидевшие **очи**, **Грядущего** разверстые **уста**; **Я, носитель мысли великой**, Не могу, не могу умереть. **Я клялся быть стрелой**, брошенной **Рукой Немврода** иль **Ахилла**; **Я не смею больше молиться**; **Что я**: влюблен или просто устал, Так хорошо, что **мой взор**, наконец, **отблистал**. Последний пример уместно сравнить с ранним стихотворением «Credo» (сборник «Путь конквистадоров»), в котором поэт предсказывает это событие: *Когда победно отблистаю в моем сверкающем саду.*

В использовании форм личных местоимений в лирике выделяют два типа коммуникативной структуры текста [Гин 1996: 110]. Первая называется внутренней, в ней определенное лицо (*я, мы, ты, вы, он, она, они*) является персонажем текста. Вторая строится на соотношении внутренней и внешней (*я и ты, автор и читатель*). Примером последнего типа может служить стихотворение «Счастье» (сборник «Фарфоровый павильон»): *Из красного дерева лодка **моя**, И флейта **моя** из яшмы. Водю выводят пятно на шелку, Вином – тревогу из сердца. И если владеешь **ты** легкой ладьей, Вином и женщиной милой, Чего тебе надо еще? **Ты** во всем Подобен гениям неба.*

Одной из важных особенностей использования категории лица в поэтической речи, прежде всего в лирике, является переход или переключение от одного лица к другому в отношении одного и того же предмета в пространстве определенного текста. Рассмотрим случаи переключения третье – второе лицо, что в наибольшей степени свойственно лирике.

В стихотворении «Телефон» можно отметить переход от третьего лица в первой строфе, где речь идет о женском голосе и дается его описание, ко второму лицу во второй строфе, в которой адресатом становится счастье: ***Счастье**, шаг **твой** благосклонный Не всегда проходит мимо: Звонче лютни серафима **Ты** и в трубке телефонной.*

В стихотворении «Природа» (сборник «Костер») наблюдаем переход от третьего лица в первой строфе – *Так вот и вся **она, природа**, Которой дух не признает: Вот луг, где сладкий запах меда Смешался с запахом болот* – ко второму лицу в заключительной четвертой строфе. Динамика перехода категории лица осложняется в данном контексте и динамикой в лексическом плане. Именительный заглавия *Природа* (*она*) и именительный названия в первой строфе *природа* (*она*) соотносятся с именительным обращения *земля* (*ты*) в конце стихотворения. Эта семантическая оппозиция *природа-земля* свидетельствует о том, что поэт расширяет понятие природы и земли до космических масштабов. Автор словно не согласен с тем, что мир природы должен ограничиваться «лишь скудным многообразием Творцом просыпанных семян». Его авторское Я (первое лицо) в начале третьей строфы включается во внутреннюю коммуникативную структуру текста: ***Я вижу тени***

и обличья, **Я вижу**, гневом обуян, Лишь скудное многообразие Творцом просыпанных семян. Тем самым меняется отношение к объекту, в последней строфе он становится адресатом благодаря переключению лица с третьего на второе: **Земля, к чему шутить со мною: Одежды нищенские сбрось И стань, как ты и есть, звездою, Огнем пронизанной насквозь!** Таким образом, в данном тексте происходит переключение лица следующим образом: третье – первое – второе – первое – второе.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что использование категории лица в поэтическом идиостиле Н. Гумилева многообразно, данные формы способствуют передаче внутреннего мира художника слова. Подтверждение этому находим у автора книги «Поэтический синтаксис», считающего, что «лирика – сложная форма познания, выражения и коммуникации. В лирике речь идет о глубинном отношении человеческой личности и мира. Поэтому сложный характер имеет и структура речевого субъекта и адресата в лирической поэзии» [Ковтунова 1986: 15].

ЛИТЕРАТУРА

Винокур Г. О. Филологические исследования. Лингвистика и поэтика. М., 1990.

Гин Я. И. Проблемы поэтики грамматических категорий: Избранные работы. СПб., 1996.

Григорьев В. П. Грамматика идиостиля. В. Хлебников. М., 1983.

Гумилев Н. С. Собрание сочинений в четырех томах. Том четвертый. М., 1991.

Гумилев Н. С. Сочинения в трех томах. Том первый. Стихотворения; Поэмы / Вступ. ст., сост., примеч. Н. Богомолова. М., 1991.

Ковтунова И. И. Поэтический синтаксис. М., 1986.

Ковтунова И. И. Категория лица в языке поэзии // Поэтическая грамматика. Том I / Российская академия наук. Институт русского языка им. В. В. Виноградова / И. И. Ковтунова, Н. А. Николина, Е. В. Красильникова (отв. ред.) и др. М., 2005.

Поэтическая грамматика. Том I / Российская академия наук. Институт русского языка им. В. В. Виноградова / И. И. Ковтунова, Н. А. Николина, Е. В. Красильникова (отв. ред.) и др. М., 2005.

Поэтическая грамматика. Том II / Российская академия наук. Институт русского языка им. В. В. Виноградова / Е. В. Красильникова (отв. ред.) и др. М., 2013.